

Вместе с Ю. Мизецким и художником Г. Епишиным Панков ездил на родину Ильича — в Ульяновск. Мизецкий рассказывает, что когда они подошли к скромному, священному для каждого человека домику на бывшей Московской улице, то Панков так разволновался, что с трудом смог заставить себя переступить порог. Легко понять, с каким трепетом приступил он к работе над ролью. Легко понять и то волнение, с каким он ее играет. И не нужно ему от него освобождаться. Нельзя играть роль Владимира Ульянова в спокойной «профессиональной» манере, играть только рассудком, не испытывая трепета душевного, не чувствуя, как часто бьется твое сердце. Такое волнение — это ведь и есть, в сущности, то, что называют вдохновением.

У Панкова беда в другом: волнение перешло у него в ненужное качество, в скованность и угловатость движений, в излишнюю колючесть, в боязнь сделать что-нибудь такое, что обнаружило бы в нем не только юношу с твердой волей, характером, с могучим не по летам умом, но еще и очень живого, глубоко душевного, мягкого, отзывчивого, любящего сына и брата. Оттого он так подчеркнута сух в сцене прощания с Александром, который для него, 16-летнего юноши, не только ведь идейный противник, но еще и родной брат. Оттого веет на зрителя холодком от сцены возвращения из Петербурга Марии Александровны (роль ее выразительно исполняет Н. Воеводина), где В. Панков играет только созревающего борца, только твердый характер, но не играет сына и брата, которого, как и его мать и сестер, постигло огромное горе.

Конечно, неправильно было бы считать, что такая трактовка полностью снимает успех всего спектакля. Семья Ульяновых — дружная, спаянная, в которой отношения матери и ее детей строятся на взаимном доверии и уважении, на духовной общности, — показана в спектакле достаточно убедительно. Нельзя пройти и мимо очень мягкого, полного глубокой человечности и доброго юмора исполнения Н. Смирновым роли Огородникова, нельзя не отдать должного артистам П. Окаемову и А. Седову, которые рельефно и в то же время скупю, «не нажимая на ре�ец», вылепили образы учителя Горского (Окаемов) и рыбака Егора (Седов). И все-таки спектакль оставляет какое-то чувство неудовлетворенности, и объясняется это тем, что в нем дана, хоть и невольно, но односторонняя, сужающая образ Владимира Ульянова, трактовка.

Несправедливо было бы винить за нее одного В. Панкова. Актер он молодой, роль чрезвычайно ответственная. В равной, если не в большей степени, повинны в этом и постановщик, и весь актерский коллектив, занятый в «Семье», особенно актеры старшего поколения. Ведь если даже опытная Зорина нуждалась в товарищеском внимании и совете, во зыскательном отношении коллектива, в своевременной режиссерской подсказке, то насколько же нужнее были они В. Панкову. Как бы выиграл от этого спектакль! Как бы выиграл молодой актер!

5. О творческой дисциплине

Постановщик «Незабываемого 1919-го» и «Семьи» Ю. Мизецкий выступает в этих спектаклях и как исполнитель. Это талантливый, своеобразный актер, с более чем тридцатилетним стажем работы на сцене.

И вот две роли: учитель Черненко в «Семье» и генерал Родзянко в «Незабываемом 1919-м». В первом случае — мягкая, умная и тонкая игра, во-втором — грубый гротеск, утрированный шарж. В первом случае Мизецкий, следуя завету Станиславского, смотрит на сущность происходящих событий человеческими глазами, во втором, вопреки этому завету, — актерскими.